

Игорь МУХАНОВ

ТРОПИНКА, ВЕДУЩАЯ К ДОМУ

Стихотворения в прозе

Дочки Кудая

Сидят дочки Кудая на радуге, ногами болтают.

Весело им на дольний мир смотреть, где реки — седые волосы, а горы — куличи с сахарной пудрой.

А вон, как фантики от конфет, крыши пестреют... Это Мульта!

Старшая дочка создана Кудаем из шума берез, поэтому и шумливая такая. А младшая — ветра тише. Создал ее Кудай из лунных лучей, чтоб старшая не скучала.

Кудай — создатель!

Мульта внизу, как муравейник, шевелится. Кто в школу идет, кто в магазин. Кто прыгает на одной ноге, восклицая «хочу денег!», кто баню топит с утра. Любви, вишь, ему захотелось, а чистого любят охотней!

Дочки Кудая сидят, ногами болтают. Идет мимо ребенок — конфету ему сбросят, идет рыбак на Катунь — кинут червяка. Не просто, конечно, червяка, а особого, на которого хариус крупный идет!

Привыкли к такому обычаю ребятишки и, как радугу увидят, кричат:

Дайте нам, Кудая дочки,
На дорогу лапоточки,
На учебу — крепкий ум,
На игру — поменьше дум!

Так и живет население Мульти, почитая радугу. Ведь за ней — просторы невиданные, синяя бухтарминская степь...

Да!

Голубиная книга постраничная...

Так оно и есть!

Пахнущая типографской краской газета, в которую завернуто всякое счастье земное...

Вот-вот!

Бухтарминские степи

Ходил я со староверами в бухтарминские степи, слово голубиное искал. Степи эти неподалеку, за Катунским хребтом находятся. Вольно там дышится и видится далеко.

Степи эти не только небесами, но и легендой про земной рай, который в народе Беловодьем зовется, покрыты. И сыплются из той легенды теплые дожди. Вот и меня они в бухтарминские степи привели, на вершину кургана поставили.

Плывет в своей желтой ладье истина по небу, «свят, свят, свят!» — повторяет. А я и рад! Рот отворю, солнечный ветер в него впущу и почувствую, как слово нужное рождается. От радости жизни оно прорастает, сквозь семизначную тоску.

А бухтарминские степи шумят ковылем, память глубинную отворяя. Что случилось не только со мной, но и с моим народом. Не человек я в ту самую минуту, а всечеловек: и мужчина, и женщина, и старик, и ребенок. Сам с собой говорю, сам себе счастье и несчастье отмеряю. Вот из такой глубины и выходит слово голубиное — на радость и мне, и другим.

Скрепляет такое слово распады вселенские, штопает дыры судьбы. А горе свое не замечаешь, если ты в ближнем живешь. Ты сила в нем крепкая, коренная, и потому — помогающая.

Вылечишь ближнего таким вот словом, и он тебя вылечить норовит. Ты ведь в нем болишь, спать не даешь ему ночами.

Ах вы степи мои бухтарминские! Меж зудящих десен вас положу, словно траву подорожник. Вами от мыка излечусь. И приду к вам в урочный час, попрошу слова голубинога. Словно родниковую воду, богатую серебром.

Сентябрь

Гуляю по лесу и ясно слышу, как сентябрь меня окликает. А сам за веткой, за дождем, за первой душевной усталостью прячется.

— Хочешь, причешу? — говорит сентябрь. — Тем же гребешком, что листья причесываю?

Руки у сентября — как ветки березы. Шелестит он листвою, бьется его ягодное сердце. Или это шиповник краснеет впереди? Клюет его птичья мелюзга, никак не осилит. И улетает к боярышнику — тот и мягче, и слаще.

Торопится сентябрь, ведь день стал короче. Складывает в желтый чемодан лето. И я прохожу мимо, стараясь не мешать. Я даже забыл о его существовании — так на душе спокойно!

Вот солнце садится за ближайшую гору, рассыпая по склонам ее искры, как электросварщик. И листья темнеют. И тени разбегаются, как муравьи, почуявшие запах грозы в застоявшемся воздухе.

Где же сентябрь? Где гребешок его ветра? Его разноцветная грусть?

Я всматриваюсь в небо и вижу следы сентября. Да, это он мелькает в вышине! И машет журавлиным клином, как клинком...

«И ладно пойдет, и вразнос — все благословенно», — размышляю я про себя. И выхожу на тропинку, ведущую к дому.

